

V.1Ba
258411k

Шпилевский П.М.

Исследование о вовколаках
на основании белорусских
поверий. 1853г.

1Ba
258411k

Милевский Павел Михайлович.
Исследование о вобкалаках на основании
белорусских поверий. - 30с. Б.м. Б.г.
Отд. отт. из журн. "Московитянин" - 1853
Т. 2. - № 5
кн. 1. - с. 1-30.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ВОБКАЛАКАХ⁽¹⁾.

НА ОСНОВАНІИ БЕЛОРУССКИХЪ ПОВѢРІЙ.

Бѣлоруссія такъ полна, такъ обильна разными преданіями, повѣрьями, суевѣрїями и предрасудками, что, зная обо всемъ этомъ, невольно пожалтешь, — отчего до-сихъ-поръ наши ученые не хотятъ обратить вниманія на этотъ край и изучить его во всѣхъ отрасляхъ отечественной старины... На страницахъ нашихъ журналовъ постоянно являются разныя изслѣдованія о древностяхъ Афинъ и Рима, костюмахъ, обычаяхъ и даже пиришествяхъ ихъ жителей... А древности Западной Россіи, особенно же Бѣлоруссіи, какъ-будто считаются слишкомъ малозначащими для того, чтобъ напечатать объ нихъ въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи. Не знаю, чѣмъ объяснить такое равнодушіе нашихъ ученыхъ къ Бѣлоруссіи. Не тѣмъ ли, что о древностяхъ римскихъ и греческихъ легче писать въ кабинетъ по иностраннымъ источникамъ, а чтобъ написать о Бѣлоруссіи, для этого необходимо знать ее, прожить въ ней, прослѣдить нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ за всѣми ея древностями?... Если за этимъ дѣло, такъ почему же не приступить къ изученію Бѣлорусскаго края тѣмъ, которые имѣютъ возможность посвятить годы на столь полезное и важное дѣло?... А въдѣ Бѣлоруссіи стонитъ того... Этотъ уголокъ нашего отечества по справедливости можно назвать столицей древней славяно-русской мѣологии; тамъ — исходъ

(1) Въ письмѣ собидаю бѣлорусской промѣненіи; — нахожу несправедливымъ писать вопреки произвольно, какъ это дѣлають некоторые.

Гра (ар)

всѣхъ языческихъ вѣрованій предковъ нашихъ, которые, въслѣдствіе произшедшихъ взаимныхъ междоусобицъ племенныхъ, расселились по соседству въ разныхъ окраинахъ нынѣшней громадной Россіи... Быть-можетъ, такое чествованіе Бѣлоруссін покажется кому-нибудь удивительнымъ?... Очень вѣрно!... Чтобы согласиться со мною, для этого нужно быть бѣлорусцемъ, нужно знать безчисленные пѣсни, поговорки, сказки, преданія и повѣрья этого околотка нашего отечества; нужно видѣть слѣды до-сель сохранившихся въ Бѣлоруссін родовыхъ отношеній между такъ-называемою *застынкóвою шлахтою* (*) таюшнею. Въ такомъ только случаѣ понятно будетъ значеніе Бѣлоруссін въ археологическомъ, филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Вѣрно, чего-нибудь да стóять бѣлорусскія сказки, повѣрья и пѣсни, когда ихъ постоянно черпаютъ сосѣди наши польскіе ученые... Но чтожь изъ этого выходитъ, при равнодушіи къ Бѣлоруссін ученыхъ русскихъ? Господа польскіе ученые всё чисто-русское, родное наше передѣлываютъ на свой лады, подолнизируютъ поговорки и пословицы, переносятъ на свою почву повѣрья и преданія, и такимъ образомъ отнимаютъ у Бѣлоруссін характеръ русской древности. Особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи г. *Войццикій*, который очень мало даже знакомъ съ русскимъ языкомъ и почти вовсе незнакомъ съ Бѣлорусскимъ краемъ....

Что же сдѣлали въ пользу бѣлорусскихъ древностей вы, милост. государь?... спросятъ тутъ многіе: — вы, который такъ честите Бѣлоруссіню?... Что могъ и успѣть, то сдѣлалъ, а что сдѣлано, покажетъ время.... Будучи еще въ Бѣлоруссін, я записывалъ съ устъ народа, разные пѣсни, слова, прибаутки, загадки, пословицы и сказки, съ цѣлюю — сдѣлать изъ нихъ употребленіе впоследствии. Перетхавъ въ Петер-

(*) Писавшій объ этомъ приготовился въ «Поездкѣ моей въ Бѣлоруссіню и Польсѣ».

бургъ, я обратился съ своими записками къ некоторымъ ученымъ лицамъ, и, по волю бывшего г. Министра Народнаго Просвѣщенія графа Уварова, помѣтилъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. два отрывка изъ составленнаго мною «Словаря и корнесслова *бѣлорусскаго нарѣчія*» (*). Но, сознавъ неоконченность трудовъ двенадцатилѣтняго возраста своего, я рѣшился остановиться, на некоторое время, съ полиціею печатаніемъ ихъ, и, переехавъ въ Варшаву, по назначенію правительства, посвятилъ себя дальнѣйшимъ и окончательнымъ изысканіямъ *бѣлорусскихъ древностей*. Слѣдствіемъ этихъ изысканій было то, что я переделалъ и пополнилъ Словарь и вообще все записки свои о *бѣлорусскихъ нѣсеняхъ, повѣрьяхъ и пословицахъ*; — и теперь вскорѣ надѣюсь приступить къ отдельному изданію *всѣхъ* приготовленныхъ мною сочиненій о *Бѣлоруссін*.

Чтобы дать какое-нибудь понятіе соотечественникамъ о моихъ занятіяхъ, прошу васъ, м. г., выбрать въ издаваемомъ вами журналѣ мѣстечко для посылаемой статьи о *Вовкалакахъ* (**).

Вовкалака (или *совкалака*) — оборотень, т. е. человекъ, превращенный кѣмъ-нибудь или превратившійся самъ собою, по своему желанію, въ волка. — Вѣрованія въ существованіе такихъ оборотней общи чуть ли не всемъ славянскимъ племенамъ. Такъ, у Поляковъ есть — *wilkołek, wilkolak*; у Чеховъ — *wilkodlak* и *wlkodlak*; у Сербовъ — *vlkolek*, *vrkolak* и *vlkoldjek*; у Кроатовъ и Боснійцевъ — *vukodlak*; у Далматовъ *vukudlak*; у Рагузцевъ — *vukolak*; у Трансильванцевъ — *vucodlac*; даже у нѣмецкихъ Славянъ есть тотъ же оборотень подъ названіемъ: *würwolf*. У Славянъ же русскихъ (во вну-

(*) *Бѣлорусскія народныя преданія*, — Археологическаго Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 год. — Прибавленія — кн. 1-я и 4-я.

(**) Это образчикъ полныхъ исследований моихъ о *бѣлорусскихъ повѣрьяхъ* (числомъ 50), приготовленныхъ для изданія въ свѣтъ послѣ, если позволите, сообщу образчики исследований о *бѣлорусскихъ пословицахъ*.

тренихъ губерніяхъ нынѣшней Россіи) существуетъ повѣрье о волколакахъ и вурколакахъ^(*): вѣроятно, на основаніи послѣдняго произношенія, воспѣлъ оборотня и знаменитый нашъ поэтъ Пушкинъ. Въ Малороссіи посята преданія о вискалікахъ — одноокихъ и даже слѣпоокихъ мохнатыхъ оборотняхъ. Но больше всѣхъ славяно-русскихъ и даже вообще славянскихъ племенъ можетъ похвалиться многочисленными повѣрьями и разказами о *вовкалакахъ* — *вовкалѣкахъ* — *Бѣлоруссіа*.

Если филологически разберемъ корнесловъ приведенныхъ нами названій оборотня, — то найдемъ два значенія вовкалаки у всѣхъ славянскихъ племенъ, особенно же у Русскихъ, Сербовъ и Поляковъ, — которыя (значенія) вполне будутъ соответствовать двумъ понятіямъ о вовкалакахъ, — т. е. о вовкалакахъ вообще, потомъ — о вовкалакахъ, какъ людяхъ, превращенныхъ въ волковъ кѣмъ-нибудь и — о вовкалакахъ, какъ людяхъ, имѣющихъ силу себя и Другихъ превращать въ волковъ.

Первое значеніе получимъ отъ корней: *wilk*, *вукъ*, *елкъ*, (волкъ) и = *dlak*, *dlaka* (у Чеховъ), *kodlak*, *кодлакъ* (въ Галиціи), *chlaka*, *chlak*, *chlup* (у Сербовъ) = шерсть, волосъ, собственно клочки влосъ. То-есть, *wilkodlak*, *viscodlak* — будетъ значить: имѣющій волчью шерсть, мохнатый какъ волкъ, имѣющій на себѣ комки волчьихъ волосъ^(*). Такое значеніе соответствуетъ преданію Славянъ о волколакѣ — оборотнѣ вообще, но не даетъ опредѣленнаго понятія о томъ, самъ ли человекъ превращается или другой-кто превращаетъ его въ волка. А слѣдовательно такое корнепроизводство вовкалаки будетъ недостаточно, какъ слишкомъ обобщенное и неопре-

(*) На церковно-славян. партіи (и словацкомъ) говорится: *вурколакъ* и значитъ привидѣніе; у Линде читается: *вурколаки мертвенны изъ гробовъ встающіе* (Linde Dikcionarz... T. VI, U—Z...).

(*) Бѣлорусим думаютъ, что у вовкалакъ не все тѣло покрыто шерстью, а только мѣстами, такъ-что нѣдѣ видѣется нѣбо человекъ. См. ниже.

дѣленное, притомъ же не чисто славяно-русское, а только славянское (7). И потому, не довольствуясь этимъ словопроизводствомъ, подобно г. Лованасьеву (8), и, имѣя въ виду собственно бѣлорусскаго оборота, мы употребимъ еще другой корнесловъ для значенія — *вовкалаки*.

Въ Бѣлоруссiи (и Малороссiи) употребляются слова: *лѣка* и *лекъ*, которыя значатъ: самоучка, лекарь, пользующій боль-ныхъ разными *зельемъ* (травами); отсюда *лекъ-лека* = *знахарь*, колдунъ, чародѣй, вѣдѣствiе того, что удачное леченiе, а особенно почти какъ бы возстановленiе умирающаго больнаго, считается дѣломъ не человѣческимъ, сверхъестественнымъ: обычное понятiе бѣлорусскаго простаго народа!! — Этому бѣлорусскому слову вполне соответствуетъ и сокращенное — простонародное слово польское: *lek*, сербское: *лек*, лижск, боснійское: *ljek*, *lik*, далматское и кроатское: *lik*, украинское *ликать* (9). Отсюда слова: *вовкалака*, *вовкалака*, *вѣлко-лекъ*, *вовкаликъ* — будутъ значить: волкознахарь, колдунъ, имѣющiй силу зачаровать, превратить кого въ волка, — пожалуй при помощи какого-нибудь зелья (10). Такое значенiе бѣлорусскаго *вовкалаки*, кажется, понятнѣе — тѣмъ болѣе, что во всѣхъ бѣлорусскихъ повѣрьяхъ, и особенно — о *вовкалакахъ*, *знахари* и *знахарки* большую роль играютъ.

А чтобы слову: *вовкалаки*, или, какъ его произносятъ Далматы, *vakudluk*, дать значенiе: превращенный въ-и-буду въ волка, — для этого укажемъ на бѣлорусскiе глаголы: *лѣциць*

(7) Въ славяно-русскомъ словѣ: *вовкалака* — *вовкалака* — вовсе не слышно буквы *д*, слѣд. не для чего производить окончанiе *лака* отъ *dlak* — *dlaka* — шерсть, хотя значенiе слова *dlak* не противорѣчитъ понятiю о русско-славянскомъ *вовкалаки*.

(8) Зооморф. бож. у Сл. См. Отч. Зап. 1852, N 3. Г. Лованасьевъ, замѣтно, имѣлъ въ виду общеславянское корнеслово *вовкалаки*!

(9) Даже у Шведовъ есть *laka*... См. Каршесловъ Шинкеевича, стр. 135, слово — *лѣка*.

(10) Къ чему и прибѣгаютъ знахари, когда превращаютъ людей въ *вовкалаки*. См. ниже, рассказъ 1-й.

и *лучиць*. *Личиць* значить завербовать, насильно сдѣлать кого чѣмъ, превратить во что или въ кого-нибудь. Въ сказкахъ бѣлорусскихъ, гдѣ говорится о заколдованныхъ князевичахъ (молодыхъ князьяхъ), превращенныхъ въ камни, столбы и въ разныхъ животныхъ (¹¹), употребляется слово: *лучиць*; на-примѣръ: и плаче *лученый* (забранный въ плѣнь) князевичъ! — То не жаба была, а *жабалѣка* (т. е. превращенный въ лягушку). Здѣсь слово: *лака* — отъ глагола: *лучиць*. Въ такомъ родѣ есть много другихъ словъ: *ступалѣка* (обращенный въ столбъ), *кошкалучень* (обращенный въ кошку). — *Лучиць*, значить: сдѣлаться, стать чѣмъ-нибудь по неволѣ... Это слово тоже употребляется въ сказкахъ для означенія состояннѣя заколдованныхъ вѣдьмарами людей: — *лучиць на вовкалаку*, т. е. по милости вѣдьмара (вѣдьма), колдуня, сдѣлался вовкалакой; — *угицьваць дударя, лучиць на бобыля*, разсердилъ дударя (см. ниже) и за то сдѣлался бѣднякомъ по его милости, т. е. обвиняль. Соединивъ оба эти глагола съ словомъ — *волкъ*, мы найдемъ слѣдующее значеніе *вовкалаки*: человекъ, превращенный въ волка, сдѣлавшійся волкомъ насильно, по волѣ колдуна, *знахаря-дударя* (¹²).

Такимъ образомъ, не прибѣгая къ общеславянскому корне-производству *вовкалаки*, можемъ имѣть — бѣлорусское: — можемъ и даже должны, тѣмъ-болѣе, что находимъ основаніе

(¹¹) См. ниже, *разсказъ 3*.

(¹²) См. ниже. — Можно еще иначе производить слово — *вовкалака* на основаніи польскихъ пословицъ: *zajarty jak wilkołak* (обжорливъ какъ волколакъ), и: *zajadł się nad misą kaszy, jak wilkołak* (хватаетъ изъ миски кашу словно волколакъ), — т. е. корнемъ слова: *вовкалака* можно считать глаголъ: *лѣзть* — съ жадностію вѣсть что-нибудь, глотать, пить по-волчьи или по-собачьи (см. корнесловъ Шинкевича слово — *лѣзть*). Можетъ быть на основаніи такого значенія слова — *вовкалака* Сербы называютъ пьяницъ *вовкалаками*. Вотъ ихъ поговорка о пьяницахъ, запоемъ пьющихъ: *Checlas mi dał miža, dalaš wilkolaka; celý den nerobi, ten dudle, haruši, ces noc w karčmō z'erie, rano miža tanusi* (См. *Słownik Czecko-Nemecki Ioz. Jungman. T. 20 — wkodlak*). Но ужь никакъ не слѣдуетъ прибѣгать къ производству слова — *вовкалака* отъ *волкъ* (*Шинкевичъ, Мисс. Слав. язык. стр. 73.*).

думать, что повѣрье о вовкалакахъ получило исходное свое начало въ Бѣлоруссiи и уже въ послѣдствiи пришло къ другимъ соседственнымъ славянскимъ племенамъ. Для этого, мы сошлемся на древнѣйшихъ свидѣтелей, историковъ дохристіанскихъ. Геродотъ, описывая мѣстность, нравы, обычаи и религію разныхъ славянскихъ народовъ, весьма опредѣлительно говоритъ касательно повѣрья *Невровъ* объ оборотняхъ (вовкалакахъ): «у этихъ людей, замѣчаетъ онъ, издавна существуетъ вѣрованіе, что они, силою своего волшебства, могутъ, въ извѣстныя времена года, на нѣсколько дней превращаться въ волковъ и потомъ опять возвращаться въ прежнее человеческое состояніе ⁽¹³⁾». По картамъ *Спенера* ⁽¹⁴⁾ и *Стредовскаго* ⁽¹⁵⁾; геродотовыхъ *Невровъ* нужно принимать за обитателей нынѣшней западной Россiи, и именно Бѣлоруссiи, т. е. за несторовыхъ Дреговичей, Древлянь, Полочанъ и Сѣверлянъ. Ученый *Парушевичъ* ясно и съ увѣренностью утверждаетъ, что *Невры* ⁽¹⁶⁾, у которыхъ, какъ свидѣлствуетъ Геродотъ, существовали преданія о вовкалакахъ, занимали обширный мѣста отъ устьевъ *Днѣстра* и выше *Кіева* вдоль по теченію *Днѣпра* и *Десны*, т. е. частью въ нынѣшнемъ полѣсьи волынскомъ и пинскомъ, губерніяхъ: *Кіевской*, особенно *Могилевской* и *Минской*, и черниговскомъ приднѣпровьи ⁽¹⁷⁾. Спрашивается, отчего же Геродотъ, описывая

(13) Ἐπισημαίνεται ἀπὸ τῶν Νερούων ἕνατος λίθος γίνονται ἡμετέρας ἀλλοτρίας καὶ ἀντις ἀλλοτρίων ἐς ταῦτα κατέστη. — (Herodot. T. II. lib. IV, c. 105, edit. Parisii. Schweighauseri).

(14) Spener — Notitia German. Antiquae.

(15) Stred Hist. Sacr. Moravid.

(16) Эти Невры прежде жили надъ восточнымъ берегомъ *Днѣпра* близъ р. *Десны*, но по причинѣ множества змѣй и ужей въ тѣхъ мѣстахъ (ὄφεις γὰρ ὄντι, πολλὰς μὲν ἢ χίονα ἀφαινε — Herodot. T. II. lib. IV. c. 105), не задолго предъ походомъ *Дарія* въ *Скицію*, переселились на другую сторону *Днѣпра* — именно туда, гдѣ нынѣшнія губерніи *Могилевская*, большая часть *Минской* и часть *Черниговской* — между *Десною* и *Днѣпромъ* (Naruszew. Hist. Nar. Polz. T. I. ks. I. p. 14.).

(17) Naruszew. Hist. N. P. T. I. ks. I. p. 14.

Славяны съ такимъ всестороннимъ знаніемъ, замѣчаетъ, что повторилъ о *овкалакахъ* нашелъ онъ именно у *Невровъ*?... Къ свидѣтельству Геродота прибавимъ то преданіе жителей пинскаго польска (Минской губ.) что *Овидій* жилъ некогда возлѣ нынѣшняго г. Пинска въ пещерѣ, на высокой горѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ озерами и чертоломъ (тростникомъ большимъ), куда, будто, ссылали его за дерзкіе стихи⁽¹⁹⁾; въ память чего до-сихъ-поръ въ устахъ пинскаго народа сохранилось названіе горы: *Овидъ-Гора*, и озера: *Овидъ-озеро*; объ этомъ озерѣ упоминаетъ и *Нарушевичъ*, соглашаясь съ пинскимъ народнымъ преданіемъ⁽¹⁹⁾. Очень быть можетъ, что *Овидій*, живя между нынѣшнимъ пинскимъ польсьемъ и *придѣлпровьемъ*, подслушалъ бѣлорусское (неврское) народное преданіе о *овкалакахъ*, и, на основаніи его, написалъ⁽²⁰⁾ известныя «*Превращенія*» (*Metamorphoseon*)... Почемужъ не допустить, что его *Ликаонъ* (*Lycaon* —

(¹⁹) Записано съ усть народа.

(²⁰) *Овидію* знакома была р. *Дитстра* (*Tugas*), потому что возлѣ ея устья жилъ онъ во время своего изгнанія. *Озеро*, въ которое она впадаетъ, или лучше, которое она образуетъ предъ своимъ впадениемъ въ море, доселѣ называется — *Овидовымъ* (*Naruszewicz Hist. Nar. Pol. T. I. кн. 1. стр. 9, примѣч. 19*).

(²⁰) Даже, можетъ быть, написалъ сначала эти «*Превращенія*» на *амитишемъ* польско-пинскомъ или *бѣлорусскомъ* нарѣчій, или, по его, на *гетскомъ* (*getico sermone*): вѣдь писалъ же *Овидій* стихи на *гетскомъ* нарѣчій, когда жилъ между *Славянами* близъ *Чернаго моря*; вотъ собственное его признаніе въ томъ:

Al! pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis.
Et placui (gratare mihi) comique poetæ
Inter inhumanos nomen habere Getas.

(*Ovid. de Ponto IV, Ep. 13.*)

Но послѣ, вѣроятно, уличенный чувствомъ народной гордости, какъ римлянина, не хотѣлъ обнародовать своей поэмы на чужомъ языкѣ (*варварскомъ*), боясь тѣмъ оскорбить латинскихъ музъ: онъ даже жалѣлъ, что писалъ на *гетскомъ* языкѣ (*Ovid. de Ponto IV, Ep. 13.*).

Λύκος ἄν) ⁽²¹⁾ есть тотъ же бѣлорусскій вовкалака?!.. Стоитъ только знающему повѣрье Бѣлорусцевъ о вовкалакахъ и съ вниманiемъ читавшему фантазiю Овидiя о Ликаонѣ сравнить первое съ послѣднею: окажется большое сходство!!

Основываясь на такихъ важныхъ данныхъ, мы должны согласиться, что повѣрье Бѣлорусцевъ о вовкалакахъ очень древне. Кромѣ Геродота и Овидiя, мы не имѣемъ другихъ указанiй, по которымъ могли бы судить о подробностяхъ этого повѣрья у древнихъ Невровъ; но, по существующей многосложности его у нынѣшнихъ Невровъ-Бѣлорусцевъ, можемъ гадать, что, если въ настоящее христіанское время очевидно, имѣвшее сильное влiяніе на изглаженіе языческихъ суевѣрій и толковъ, все-таки въ Бѣлоруссiи сохранилось много рассказовъ и преданiй о вовкалакахъ, то, безъ сомнѣнiя, въ языческія времена Геродота и Овидiя, еще болѣе и свободнѣе могли существовать между Неврами такія проявленiя духа и произведенiя фантазiи язычествовавшаго народа!...

А современныя преданiя Бѣлорусцевъ о вовкалакахъ очень разнообразны и обильны. Въ окрестности, въ деревни, въ семейства, гдѣ бы не знали какого-нибудь самаго забавнаго разсказа, самаго фантастическаго повѣрья о вовкалакахъ.... Сами старики — главы многолюдныхъ семей, въ свободные святочные вечера, твердятъ своимъ дѣтямъ и внукамъ объ этихъ, то страшныхъ, то жалкихъ, оборотняхъ; а пѣвчiя бѣлоруслики-молодицы, во время колдескихъ поспѣлоекъ, воспеваютъ прорѣчки знахарей, обращающихъ немилыхъ имъ людей въ волковъ и плачевное состояніе обращенныхъ ⁽²²⁾. Итакъ, по преданiю, изъ потомства въ потомство

(²¹) Lib. I. vers. 230—240; эту мысль подробно развиваетъ г. *Отвинцовскій* (*Otwinow. — Metamorph. Ovid. 4*).

(²²) Вотъ образчикъ этихъ пѣсней:

На бѣлему двару Марутка ходзе,
Усежна плаче, такъ и руки зомнѣ,
И якъ кого забачнѣ на гаснодзѣ
Дыкъ горшы Ена небога загалоснѣ...

переходить втраваніе о вовкалахъ. Втраваніе это до того преувеличено, что нередко обыкновенныхъ волковъ ⁽²³⁾ принимаютъ за самыхъ оборотней. Случается, что, во время зимнихъ морозовъ, проголодавшіеся въ лѣсу волки, какъ водится за этими недобрыми деревенскими сосѣдями, нападаютъ на людей — тотчасъ по всей деревнѣ прогремѣтъ слухъ, что вовкалака попалъ на тлагого-то Архипа или Сидора: бѣда Сидору или Архипу, если, на случай, считаютъ ихъ знахарями; догадливыя бабы (какъ и вездѣ бабы) дополняютъ слухъ, что вовкалака хотѣлъ отмстить знахарю за то, что тотъ обратилъ его въ волка....

По мнѣнію Бѣлорусцевъ, два рода вовкалакъ. Къ первому относятся вовкалаки-знахари, ко второму — несчастныя

Да штожъ галасишь ты нябога?...
 Ой!.. якъ жежъ мнѣ не галасиць,
 Коли майго дружка Григора
 Сабака якъ вовка зубасиць....
 Чыжъ гэта юнъ той вовкалака,
 Што насъ завсѣмъ на-ігрыщахъ страшиць?
 На чомъ назвала, небарыка?
 На томъ, што, якъ и людзи, плачиць;
 А плаче—стогне, што кусаюць,
 За лысинки усѣ хапаюць....

(Ходитъ Машенька по бѣлому двору, постоянно плачетъ и руки лочаетъ: о какъ завидитъ кого въ домъ, такъ еще пуще — бѣдненькая — заливаеця слезами (рыдаеця). — Что ты плачешь, бѣдненькая?... Охъ! какъ же мнѣ не плакать, не рыдать, когда моего друга Григорья собака равнитъ зубами, какъ волка?... Да развѣ это онъ тотъ вовкалака, что пугаетъ насъ на ігрыщахъ?... Но чѣмъ же ты, горемычица, узнала его?... Но томъ, что отъ по-человѣчьи плачетъ, а плачетъ-стонетъ оттого, что (собаки) хватаютъ его за лысинки (см. ниже) и больно кусаютъ....)

(²³) Вообще нужно замѣтить, что явленіе волка въ оградѣ дома, а не рѣдко въ самомъ домѣ — двоякъ, въ Бѣлоруссіи считается предвѣстіемъ какого-нибудь бѣдствія... Начало втраванія этого очень древне... Плиній говоритъ, что, по мнѣнію древнихъ, увидѣть волка вредно, и что если онъ человѣка прежде, нежели человѣкъ его увидитъ, то человѣкъ лишастся изъма (См. лат.-рус. лекс. И. Кроненберга, слово — *Lupus*).

жертвы ихъ, превращенныя въ волковъ: первыхъ Бѣлорусцы очень боятся, а о вторыхъ сожальютъ.

Волкалаки-знахари, какъ и вообще знахари, по разумѣнію бѣлорусскому, находятся въ связи съ нечистою силою — чортомъ, которому они продаютъ свою душу, въ-слѣдствіе чего получаютъ власть превращать людей въ волковъ, и потомъ, по желанію, опять передѣлывать (отрѣбливать) въ людей. Такое вырованіе, очевидно, есть остатокъ элемента языческаго съ новизнѣю и ведетъ свое начало частью отъ антропоморфизма нечистой силы, а больше отъ хранившася въ славянскомъ народѣ того преданія, что некогда у его предковъ были служители языческихъ капищъ, которые, изучивъ кой-какія таинства природы, и, чтобъ поддержать въ невѣжественомъ народѣ вѣру въ свою силу и могущество сверхъестественное, выше-человеческое, пугали ихъ разными мнимыми чарами, заклинаніями и наважденіями.... И безъ сомнѣнія, нынѣшніе знахари въ Бѣлоруссіи выродились изъ этихъ языческо-славянскихъ капищеслужителей. Потому что бѣлорусскіе знахари, сравнительно, не иное что, какъ тѣже знатоки некоторыхъ таинъ природы, изучившіе лживость растений, камней, напавшіе случайно на силу магнита и электричества, и злоупотребляющіе своими познаниями, по причинѣ развращенности нрава и испорченности сердца. Какъ на капищеслужителей своихъ язычники-Славяне смотрѣли будто на божества, и, не понимая ихъ шарлатанства, благоговѣли предъ велемудрыми ихъ изреченіями, такъ, нынѣшніе бѣлорусцы, по своей темнотѣ и невѣжеству, считают *вокалакъ-знахарей* чѣмъ-то выше себя, хотя эти знахари такіе же невѣжки, какъ и они — только похитрѣе и плутоватѣе ихъ, — вѣрять во всё то, что они скажутъ, и, хотя, десятое изъ ихъ сказаній сбывается, а прочее оказывается надувательствомъ, но боятся ихъ и дѣлаютъ имъ почетъ на всякомъ шагѣ (*), опасаясь оскорбить и прогнѣвить ихъ могущество

(*) Знахарей садятъ на первомъ мѣстѣ (на конѣ), имъ первыми познать воду и вѣтрянца, и во всемъ рабствуютъ предъ ними до того, что готовы

и всезнаніе. Далѣе — капищеслужители никому изъ простаго народа не открывали своихъ тайнъ и плутней, и при смерти передавали ихъ только другъ-другу или тому, кто готовился на ихъ поприще; такъ точно и знахари бѣлорусскіе ни за какія блага не открываютъ своего *знахарства* (25) незнакомому человеку, или, какъ они говорятъ, простаку, а умирая, передаютъ его дѣтямъ или тому, кого они считаютъ рѣшившимся отдать свою душу нечистой силѣ, и то — передаютъ подѣ страшными угрозами — не измѣнить тайнъ. По понятію языческо-славянскому, капищеслужители были дѣтьми или избранными боговъ; — и по мнѣнію Бѣлорусцевъ, знахаривовкалаки — люди не простые, а какъ-будто составляютъ особую касту высшихъ существъ, которыя имѣютъ связь съ нечистыми духами: въ составъ этой касты входятъ *дударіи* (играющіе на дудѣ..., пѣсельники..., сказочники въ родѣ *болновъ*), *млынаріи* (мельники) и *пастухи* (26). *Дударіи* — народъ тертый, вездѣ бывалый: дударь многое слышитъ, рыская по бѣлому свѣту, многое самъ придумаетъ; умѣетъ ловко рассказать о видѣнномъ; подчасъ надуетъ кого-нибудь удачною плутнею, особенно когда большая часть изъ собесѣдниковъ его значительно подхмѣлена: нередко истати услужить какой-нибудь старой бабѣ ссудой нужной вещицы (въриб и въ простомъ народѣ женская претенція

отдать имъ послѣднюю денѣгу; готовы не платить долговъ *шинкарю* (арендатору водочному; — имѣть имѣть уже такихъ *шинкарей*, особенно *жидовъ-шинкарей*), что очень много значить, — только бы имѣть чѣмъ угостить, задобрить *знахарей*. Любопытны въ этомъ отношеніи слѣдующія поговорки бѣлорусскія: — *Не хадай у хадѣ, гадѣй вовкалацѣ, не собирай (денегъ) для дома, отдай ихъ вовкалацѣ-знахарю... Не плаці шинкару, атдай млынару*, — не плати арендатору, отдай (деньги) лучше *знахарю-мельнику*. *Свариса зъ гаснадаромъ только на бериса зъ дударомъ, — браниса съ хозяиномъ дома, только не есорьса съ *знахаремъ-дударемъ*. *Першы кусокъ на куту атдай пастуху*, — посади *знахаря-пастуха* на первомъ мѣстѣ и дай ему первый кусокъ....*

(25) Оттого-то никакъ нельзя разувать въ Бѣлорусси объ обрядахъ, предшествовавшихъ этому *знахарству* и соединенныхъ съ ними заклинательныхъ словъ.... Известно только (не спомни) одно заклинаніе. См. *рассказъ 5*, ниже.

(26) Есть еще *знахарки вовкалачки*. См. ниже, *рассказъ 5*.

имѣть свое значеніе) и — пошла молва: «дударь не нашего двора брать!... *пазнѣся зъ Дамавикомъ*, — подружился съ Домовикомъ⁽²⁷⁾. Млынарй — народъ отчужденный, немодимы, большею частью, съ какою-то таинственною, угрюмою физиономією; млынарй сидитъ постоянно въ своей мельницѣ; для бѣльшаго барыша мелеть ночью, а пьяному белорусцу представится, что въ мельницѣ жужжать жернова, но колеса не вертятся; случится въ деревнѣ пожаръ — всё сгоритъ, а мельница, будучи при рѣкѣ и вдали отъ деревни, — уцѣлѣетъ; какая-нибудь шатающаяся на всѣ стороны баба дополнитъ разсказомъ, что она видѣла, какъ, во время пожара, черные вѣроны сидѣли на кровлѣ, а лягушки на стѣнахъ мельницы, и защищали ее отъ пожара, тогда-какъ млынарй преспокойно стоялъ въ дверяхъ и курилъ *пѣнку* (трубку). И — заговорили по всей деревнѣ, что млынарй — не простой человекъ, *знается зъ водовикомъ*⁽²⁸⁾. Пастухи — народъ смысленный, проводятъ всё лѣто въ лѣсахъ и болотахъ (самыхъ глухихъ и влажныхъ перѣдко), гдѣ только есть пастѣба; отъ нечего дѣлать собираютъ травы, сушатъ корни цвѣтовъ и всякихъ растений, испытываютъ ихъ силу, цѣлительность надъ скотомъ; — какъ-нибудь вылечать у сосѣда корову, у сосѣдки — овцу; побольше набродаютъ за чьею-нибудь коровою, да та и сама, по животному инстинкту, срываетъ питательныя и лучшія травы, — отчего даетъ больше молока; мало-того, иногда шустоватый пастухъ нападетъ на *змію-мѣдницу* (безъ жала), принесетъ ее въ деревню, напугаетъ дѣтей, — тѣ разскажутъ своимъ матерямъ; матери, не видѣвъ змы, выдають за несомнѣнное сосѣдамъ, что такой-то пастухъ не боится ядовитыхъ змы; — бываетъ и такъ, что пастухъ даетъ какой-нибудь травной настойки бѣдной влюбленной дѣвушкѣ,

(²⁷) *Домовикъ* — белорусскій домовой. — См. мон. «Белорусскій народ. повѣрья». Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г., прибав. кн. 1, стр. 22—23.

(²⁸) *Водовикъ* или *Дамавикъ*, по понятію белорусцевъ, — нечистый духъ, обитающій въ водѣ — см. мон. «Белорус. Нар. Преданія» Нар. Пр. 1846 г., Прибав. кн. 4, стр. 17. 18.

потомъ свелеть ее, втихомолку, съ избраннымъ дружкой; — та расскажетъ своимъ подругамъ, что ей помогъ пастухъ....., и вотъ прокричали: нашъ пастухъ знахарь!... нашъ пастухъ *спдарскій* (всезнающій) человекъ, *набрѣтався* (связался) съ *печистикомъ-кадукомъ* ⁽⁵⁹⁾! Вотъ какимъ образомъ творятся бѣлорусскіе знахары!... вотъ какъ легко дударямъ, млынарямъ и пастухамъ, при сметливости и ловкой плутоватости, попасть въ пасту людей *непростыхъ*, т. е. *знахарей* вообще и *знахарей-вовкалакъ*.

Зная такое вѣрованіе Бѣлорусцевъ (простаго народа) въ свою силу, эти дударя, млынари и пастухи, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ одобреній своего мнимаго чародѣйства, мало-по-малу и сами начинаютъ вѣрить въ свое всевѣденіе, а наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до того, что рѣшаются промышлять своимъ знахарствомъ, и такимъ-образомъ живутъ приживаячи; часто наживаютъ большіе состояніе, хотя это состояніе обыкновенно не прочно; Бѣлорусцы утверждаютъ, что оно не сегодня, такъ завтра огнемъ *пойдетъ* (сгоритъ), потому-что всѣ эти знахары знаютъ съ печистикомъ.

Но понятію Бѣлорусцевъ, *вовкалаки-знахары*, превратившись въ волковъ, усвоили себѣ всѣ свойства зѣрскія, дѣлаются такъ же хищными и кровожадными, какъ и настоящіе волки, — даже хищнѣе ихъ, потому-что *вовкалаки* не столько нападаютъ на домашнюю скотину и душатъ ее, подобно волкамъ обыкновеннымъ, сколько — на людей, особенно на молодыхъ и преимущественно на дѣтей, впрочемъ не бѣдятъ ихъ, а только высасываютъ изъ нихъ кровь ⁽⁶⁰⁾, какъ *расамѣхи* ⁽⁶¹⁾

⁽⁵⁹⁾ См. тамъ же, стр. 14.

⁽⁶⁰⁾ Есть похожее преданіе и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, какъ говоритъ г. Шеннингъ (Мѣсяц. Слав. Яз. стр. 72—73). Не слышалъ ли г. Шеннингъ бѣлорусскаго повѣрья съ вѣлкорусскимъ?... — Точно такое же повѣрье о *вовкалакахъ* (Vasodlac), высасывающихъ кровь у дѣтей, есть у *Морлоговъ*, или *Далматцевъ* (Pamiętnik Warszawski, F. Bentkowskiego, 1830 г. Т. XVI стр. 436).

⁽⁶¹⁾ См. мон Бѣл. Нар. Пр. (Ж. М. Н. Пр. 1846 г., Приб. кн. 1.)

высасываютъ мозгъ, думая тѣмъ омолодить себя, подобно *Разамарь*, враждебному духу-помощнику *Бабы-Яги* (52); нападенія ихъ тѣмъ ужаснѣе, что никакая сила человѣческая не можетъ противиться имъ.... Хищность вовкалакъ-знахарей во всякое время свирѣпа, потому-что они превращаются въ волковъ для того, чтобъ отмстить какому-нибудь семьянину за нанесенное имъ оскорбленіе; но эта хищность особенно проявляется два раза въ годъ, какъ думаетъ белорусскій народъ, именно - на канунъ Рождества Христова, или, какъ говорится въ Белоруссіи, *передъ калѣднымъ вечеромъ и на купалу* (въ Ивановъ день) (53). Въ эти времена, говорятъ, вовкалаки-знахаряи особенно свирѣпствуютъ и не даютъ проходу молодымъ и дѣтямъ; тогда они такъ ловко превращаются въ волковъ, что по наружности никакъ нельзя различить ихъ отъ дѣйствительныхъ волковъ; въ это время у нихъ вся поверхность совершенно покрыта бываетъ волчьей шерстью, тогда-какъ въ другую пору года, особенно въ глубокую осень, когда обдѣлается отъ листьевъ осина, — на хребтѣ, галювѣ и ногахъ замѣтны бывають иногда слѣды тѣла человѣческаго (или одежды и обуви); даже на ланяхъ видѣются пальцы (54). Въ эти двѣ поры года, твердятъ белорусцы, вовкалаки-знахаряи могутъ превращаться не только въ волковъ, но и въ разныхъ другихъ животныхъ и птицъ, какъ-то: козловъ, собакъ, кошекъ, лягушекъ, сорокъ, воронъ, вороновъ, совъ и пѣтуховъ: это потому, что на-колѣду и на-купалу получаютъ они какую-то особенную, необыкновенную силу знахарства — на *Лисой-Горѣ*, куда отираваются въ эти времена для совѣ-

(52) *Разамара* — одинъ изъ служебныхъ духовъ *Бабы-Яги*, которые несутъ по воздуху огненную ея ступу (иготь). — О *Разамарь* будетъ напечатано въ 3 статьѣ «О Белорусскихъ Нар. Преданіяхъ».

(53) О двукратныхъ превращеніяхъ вовкалакъ говорятъ также въ Люблинской губ. близъ Хелма, древнемъ оселницѣ Русскихъ Славянъ: это преданіе перешло отсюда и въ другія нынѣшнія польскія губерніи. См. *Wohnotec*, — *Dział w swojeu roztaci*, str. 145.

(54) Это рассказывала мнѣ одна изъ тѣхъ-называемыхъ белорусскихъ *жарскі* — *вовкалакъ*.

щаний съ Бабой-Ягой. Что же касается до превращенія ими другихъ людей въ волковъ и потомъ опять изъ волковъ въ людей, то знахари эти могутъ превращать ихъ во всякое время и на сколько угодно лѣтъ: имъ трудно только самимъ превратиться (оборотиться) во всякое время (33).

За-то, сколько вовкалаки-знахари дѣлаютъ зла Бѣлорусцамъ при жизни своей, столько первымъ достается отъ послѣднихъ при и по смерти ихъ. Какъ только узнаютъ о смерти подобнаго знахаря, который не успѣлъ передать кому-нибудь знахарства своего (36), и, значитъ, не освободился отъ власти бѣсовской, то не хотятъ даже войти къ нему въ домъ, а тѣмъ-болѣе участвовать при погребеніи его. Да не для чего и погребать такого нечистика, говорятъ набожные люди въ Бѣлоруссіи: его заберутъ крумачи (вѣроны). Нужно замѣтить здѣсь, что, по мнѣнію Бѣлорусцевъ, въ предсмертныя минуты знахаря-вовкалаки (какъ вообще всякаго знахаря), на кровлю и даже въ трубу дома его слетается несмытная стая нечистиковъ въ образѣ крумачей, которые сторожатъ, чтобъ какъ-нибудь не успѣли люди (семья его) уговорить его обратиться къ Богу; не допустивъ людей до того, они уносятъ душу умершаго съ самымъ страшнымъ крикомъ и съ шумнымъ взмахомъ крыльевъ, послѣ чего тѣло знахаря дѣлается чернымъ какъ уголь и домъ его горитъ. Я никогда не забуду, какъ очень недавно (1851 г.) разсказывали мнѣ въ г. Слуцкѣ (Минской губ.) самую фантастическую сказку про одного тройчанина (мѣщанинъ Слуцкій, принадлежащій къ приходу церкви Св. Троицы)... Будто этотъ тройчанинъ былъ знахарь-вовкалака, много людей перепортилъ,

(33) Точно такое же повѣрье существуетъ и въ Жмуди. *Kalendarz Warszawski na rok 1759 przez M. Stan. Duncewskiego.*

(36) Бѣлорусимъ вѣрятъ, что всякій знахарь-вовкалака долженъ передать кому-нибудь изъ своихъ знахарскія тайны и такимъ образомъ перенести на того свой долгъ нечистика за сообщенную ему силу *бескачества*; въ противномъ случаѣ, нечистикъ является за своимъ долгомъ, т. е. за пролившею ему душою *вовкалаки знахаря*, и съ тѣломъ его поступаетъ, какъ ему угодно.

тилъ, умѣлъ дѣлать *завиткіі* ⁽⁵⁷⁾; никогда не работалъ, а между тѣмъ всего имѣлъ вдоволь, и вѣчно пьянствовалъ у шинкаря *Алика*... Случилось такъ, что его постигла внезапная болѣзнь, и онъ, умирая, никому не успѣлъ передать *знахарскихъ тайнъ*. Почувствовавъ приближеніе смерти, и вспоминая о гибели проданной нечистику своей души, онъ сталъ просить жену сходить за священникомъ; но въ эту минуту налетѣла тѣма крумкачей, и, махая, даже бѣя крыльями у дверей и оконъ умирающаго, никоимъ образомъ не выпускала изъ дому его жены до тѣхъ поръ, пока не скончался тройчанинъ. По смерти, говорили, онъ сдѣлался весь чорень, и ночью тѣло его пропало.

Если же умирающій знахарь вовкалака успѣетъ кому передать тайны своего знахарства, то его не тревожатъ крумкачи, такъ-какъ сила обязательства его перешла чрезъ то на душу того, кому передано знахарство. За то, все-таки Бѣлорусцы чуждаются такого умершаго... и, при всей охотѣ къ шумнымъ тризнамъ надъ покойниками, отказываются отъ приглашеній семьи покойника на *поминки* (поминовенія). Мало того, недоурия ⁽⁵⁸⁾ смерти вовкалаки, или изъ ненависти въ нему, спустя нѣсколько дней послѣ погребенія этого знахаря, собирается нѣсколько старыхъ людей на могилу его, и вколачиваютъ трѣ осиновыхъ кола ⁽⁵⁹⁾--у изголовья, посреди и у ногъ, приговаривая :

(⁵⁷) *Завитки* на ржи или на пшеницѣ; т. е. перевязываютъ нѣсколько колосьевъ какою-то перевязью, съ произношеніемъ известныхъ заклинательныхъ словъ; впрвавшій завитку дѣлается (будто) уродомъ, пьяницей, воромъ и даже... *вовкалакой*.

(⁵⁸) Что-то похожее на недоуриѣ къ умершимъ *вовкалакамъ-знахарямъ* (*Vacodlak*) высказываютъ и Далматы; вотъ что они дѣлаютъ съ этими чародьями: подрываютъ имъ жилища подъ колымаши и колютъ все тѣло, думая, что послѣ этого они уже не будутъ являться между живыми... У древнихъ Далматовъ, (*Морлоховъ*) были даже постановленія касательно *вовкалакъ* (*Рамієстникъ Warszawski, F. Bentkowskiego, 1820 г. Т. XVI*).

(⁵⁹) Похожій обычай существуетъ и въ Великороссіи. *Языковъ* говоритъ, что по смерти чародея-колдуна, въ сердце его вбиваютъ осиновый колъ, изъ предосторожности, чтобъ не ожилъ (*Энциклоп. Лекс. ч. XIV, стр. 192*).

Отъ-такъ табъ-т-ка, вовкалака!
 Кынь кашкалака, жабалака!...
 Штобъ ты не вставъ
 Зъ асникаю пропавъ!
 Асникаю табъ
 Па барадзъ,
 Па серпу—
 Да па казѣцу!...

Вотъ такъ же тебѣ, вовкалака! Примади, с...
 лака, жабалака (см. выше эти слова)!... Чтобъ ты не всталъ,
 вѣсть съ оснивымъ коломъ пропалъ (сгнилъ)... Вотъ мы
 тебя оснивою въ бороду, въ сердце и въ колыно!!...)

Совершенно иначе смотрятъ въ Бѣлоруссiи на вовкалакъ
 второго рода, т. е. на жертвъ знахарскихъ превращенiй.
 Прежде всего, вѣрятъ Бѣлорусцы, что эти вовкалаки всегда
 нѣсутъ незаросшiя шерстью лысинки человеческого тѣла или
 слѣды одежды..., чѣмъ вполне отличаются отъ вовкалакъ-
 знахарей. Слѣды лысинокъ этихъ объясняютъ тѣмъ, что, во
 время превращенiя, въ оборачиваемомъ (томъ, котораго пре-
 вращаютъ въ волка) человекѣ происходитъ борьба силы
 человеческой съ знахарскою или съдьмарскою.... Потому,
 говорятъ, что эти вовкалаки совершенно ручны, какъ домаш-
 нiя животныя, — воютъ очень жалко не-то по-волчьи, не-то
 по-собачьи, а часто глухо стонуть, какъ тяжело больные люди,
 потому-что, не смотря на преобразование въ волковъ, они не
 теряютъ человеческихъ чувствъ и даже нѣкоторымъ образомъ
 разумнаго сознанiя. Съ виду эти вовкалаки — совершенные
 волки, только болшею частiю бываютъ одноглазы (⁴⁰) и даже
 слѣпы (⁴¹) на оба глаза (знахарская продѣлка!...) Состоянiе
 вовкалаки-жертвы — самое ужасное, невыносимое. По сообщенной
 ему звѣрской натурѣ, онъ готовъ бросаться, какъ волкъ, на

(⁴⁰) Точно такое же повѣрье существуетъ и въ Малороссiи.

(⁴¹) По преданiю польскаго народа, вовкалака слѣпъ, имѣетъ рога и даже
 бѣлыя доловы (?). — (Teat. Polski; 11, — в. 69. 120).

вслѣдое домашнее животное, и такимъ образомъ вредить жителямъ своей деревни, даже своимъ роднымъ; но часто проявляющееся въ немъ человеческое чувство жалости и состраданія удерживаетъ его отъ такой зловредности, а чрезъ это нерѣдко бываетъ онъ голоденъ по нѣсколькимъ днямъ и даже недѣлямъ, такъ-что совсѣмъ отощаетъ. Вовкалака-жертва не смѣетъ подойти даже къ оградѣ какого-нибудь жилья своей деревни, опасаясь быть преслѣдуемому и битому, какъ хищный звѣрь; почему безпрестанно блуждаетъ по полю, прячется въ лѣсахъ и нигдѣ не находитъ себѣ покоя. Впрочемъ, будучи вынужденъ нестерпимымъ голодомъ, пробирается тайкомъ въ деревню; тамъ нерѣдко узнаютъ его знакомые или родные и изъ жалости кормить его⁽⁴²⁾; но, какъ только накормятъ, тотчасъ бѣжитъ въ лѣсъ. Узнаютъ же его потому, что, будто, на него не лаютъ собаки, въ-слѣдствіе того живого наго шестипята, что онъ не за тѣмъ пробрался въ деревню, чтобъ сдѣлать хозяевамъ какое-нибудь зло... Въ противномъ же случаѣ, когда вовкалака, побуждаемый овладѣвшею имъ звѣрскою хищною натурою, забирается на жилой дворъ деревенскій за тѣмъ, чтобъ похитить или задущить какую-нибудь домашнюю скотину, то на него лаютъ собаки, почуввъ приближеніе его издали, какъ волка обыкновеннаго..., и хозяева колотятъ его. За то, и онъ въ свою очередь мститъ имъ послѣ такого угощенія побоями. Завидѣвъ гдѣ-нибудь на полѣ корову, овцу или даже лошадь обидѣннаго его семьянина, душитъ безпощадно, и, сколько нужно ему, есть, а остатки бросаетъ не тронувши; мало-того, изувѣчиваетъ людей, заводитъ дѣтей въ непроходимый лѣсъ вън болото⁽⁴³⁾ и тамъ бросаетъ ихъ на съденіе звѣрямъ. Въ этомъ случаѣ, въ немъ преобладаетъ звѣрство-хищничество; — за что, послѣ, опомнившись, онъ мучится и страдаетъ, какъ человекъ-преступникъ. Впрочемъ

(⁴²) Даже стараются какъ-нибудь удержать въ домѣ, но вовкалака тайно уходитъ, понуждаемый къ тому силою зашара, который обратилъ его и ведетъ за нимъ слѣдуетъ; въ этомъ отношеніи онъ похожъ на оборотня — Змидзеня (Статья 3 о белорусскихъ повѣрьяхъ — не напечатанная).

(⁴³) См. ниже, — Разсказъ 1.

вовкалака-жертва не душитъ людей, какъ вовкалака-знахарь, потому что онъ не питается ни кровью, ни мясомъ чело-вѣческимъ.

Такъ какъ появленіе вовкалаки-жертвы въ деревнѣ, по понятію Бѣлорусцевъ, бываетъ слѣдствіемъ выголодалости его, потому-то, когда, осенью, увидать такого вовкалаку, ворожать о предстоящемъ голодѣ, а также о сильныхъ морозахъ под-ходящей зимы, что можно видѣть изъ слѣдующей поговорки или припѣва бѣлорусянокъ:

Да штожь ты, вовкалака небѣже,

Такъ въ сяду примынуешь?

Да чыжь ты, вовкалака небѣже,

Лихую зименьку чуеть?

Ой чы лихая, чы не лихая,

Да нѣ будзець якъ летацька,

Да не будзець же цѣплянька.

(Что это ты, бѣдный вовкалака, такъ льнешь къ селу?... Ужь не чуеть ли ты, бѣдный вовкалака, жестокой зимы?... Охъ!..., жестокая или не жестокая зима будетъ, но всё ужь не такъ тепло будетъ, какъ лѣтомъ).

Въ состояніи превращенія бѣдныхъ жертвы бываютъ по нѣ-скольку дней, мѣсяцевъ и даже лѣтъ; но никогда не бываютъ всю жизнь: этого, говорятъ Бѣлорусцы, не зможе подробиць знахарская моць (не сможетъ сдѣлать сила знахаря).

Чтобъ лучше уяснить читателямъ повѣрья Бѣлорусцевъ о состояніи вовкалакъ-жертвъ и силѣ вовкалакъ-знахарей, представлю нѣсколько рассказовъ (о вовкалакахъ), записанныхъ съ устъ народа....

Рассказъ 1-й (44). Одну красивую поселянку Алёну любили два молодыхъ крестьянина, — Степанъ бѣднякъ и Кузьма, бо-гатый дворовый человекъ (лакей). Алёна любила бѣдняка, но, какъ водится, богатый превозмогъ бѣднаго, усиль-выпросить позволеніе жениться на Алёнѣ. Не смотря на

(44) Этотъ рассказъ переданъ мнѣ въ Могилевской губерніи, Оршанскому уѣздѣ.

нерасположеніе къ Кузьмѣ, Алёна должна была покориться, но въ душѣ поклялась вѣчно любить Степана. Кузьма поняла это, и потому, чтобъ избавиться соперника навсегда, обратился къ помощи дударя Артема.

..... Назначенъ былъ день свадьбы, пригласили на пиръ и Степана. Въ продолженіе всего вечера, среди общаго веселья, Алёна и Степанъ сидѣли молчкомъ и были печальны. Вотъ Артемъ, какъ бы изъ участія, подходитъ къ Степану, и, наговорившись съ нимъ досыта, предлагаетъ выпить вмѣстѣ, для дружбы, по чаркѣ *варенухи* (⁴⁵). Ничего не подозревая, Степанъ выпилъ рюмку вина; но лишь только проглотилъ его, какъ вдругъ почувствовалъ какое-то странное трясеніе во всемъ тѣлѣ: то было начало *превращенія* (вовколачества). Еще нѣсколько минутъ прошло: глаза Степана сдѣлались красными — страшными, и засверкали огнемъ, какъ у волка; волосы на головѣ превратились въ какую-то жесткую шерсть; на пальцахъ рукъ явились огромные острые когти; лицо покрылось комками волчьихъ волосъ. Присутствовавшіе на свадьбѣ перепугались и стали обходить Степана: да и самъ онъ, ощутивъ шерсть, испугался самого себя; какъ волкъ юркнулъ межъ ногъ гостей, бросился въ двери и побѣжалъ въ лѣсъ.... Такъ произошло превращеніе бѣднаго Степана въ волка, совершенное силою *знахаря-дударя* Артема; онъ влилъ въ варенуху настоя изъ какого-то *зелѣя*: выпившій ее пересталъ быть человекомъ и превратился въ вовкалаку.

Побѣжалъ бѣдный Степанъ-вовкалака въ лѣсъ и сдѣлался лѣснымъ жителемъ; сталъ питаться мясомъ животныхъ и птицъ, но всегда избѣгалъ встрѣчи съ людьми, опасаясь, чтобъ его не убили, какъ волка: отчего жизнь его была самая страдальческая.

При всемъ звероподобіи, въ Степанѣ сохранились нѣкоторые человеческія чувства, что еще болѣе увеличивало его мученія.

(⁴⁵) Домашняго белорусскаго приготовленія *водки*, довольно пріятная во время пѣтій, но слишкомъ олурационная впоследствии.

Не разъ, выбѣжавъ изъ лѣса и заслышавъ въ своей деревнѣ звонъ колоколовъ церковныхъ, метался, какъ шальной, во все стороны отъ отчаянія, страшно вылъ и по-человѣчески болезненно стоналъ. Не разъ бѣдному повкалала живо представлялась прошедшая жизнь, радости и блаженство любви Амёны, и — тогда во всей силѣ проявлялось въ немъ чувство ненависти къ знахарю Артему и даже ко всемъ людямъ, вслѣдствіе чего зараждалось въ немъ желаніе отмстить негодному дударю.

Однажды, проходя близъ деревни, Степанъ увидѣлъ, что дочь Артема Ганка (Аинушка) пасла гусей. Съ остервенѣніемъ дикаго, разъяреннаго волка бросился онъ на невинное дитя, и, схвативъ его, потащилъ въ глубокой лѣсъ; тамъ, измучивъ его, бросилъ въ тущобу. Но подобное мщеніе стоило ему не малыхъ угрызений совѣсти: онъ не могъ найти покоя; пробуждавшееся по временамъ человѣческое чувство напоминало ему о злодѣяніи зѣврскомъ — волчьемъ.

Степанъ радъ былъ заглавить свое преступленіе, но долго не находилъ никакого случая къ тому. Наконецъ, однажды лѣтомъ видѣлъ — крестьяне, утомленные полевою работою, отдыхаютъ въ тѣни лѣса... Вотъ слышитъ: одинъ изъ нихъ говоритъ: «гдѣ-то теперь блуждаетъ Степанъ-повкалка?... жаль его — столько лѣтъ бѣдствуетъ.... Ахъ! еслибъ онъ какимъ-нибудь случаемъ попалъ на Аксинью-знахарку; говорятъ, она умѣетъ превращать людей въ животныхъ и потомъ — изъ животныхъ обратно въ людей. Кажется, она гдѣ-то здѣсь близко живетъ».

Обрадованный такою вѣстью, Степанъ-повкалка обошелъ все сосѣднія мѣста, и, наконецъ, по инстинкту, попалъ въ жилище Аксиньи. Однажды, проголодавшись, какъ-то проходилъ онъ въ глухомъ лѣсу....; смотритъ — на горѣ стоитъ домикъ; возлѣ домика по травѣ бѣгаетъ и разбитая быстро-огненно-глазая кошка. Повкалка хотѣлъ схватить ее, но та превратилась въ сороку и села на кровль домика; въ эту минуту, откуда взялось множество кошенъ на кровль, на оконъ-

какъ и на оградѣ домика. Степанъ догадался, что здѣсь должна жить Аксинья..., Но какъ явиться къ ней!... Въ видѣ волка не приметъ. Призадумался вовкалака, прилечь на горь и ожидать какого-нибудь благопріятнаго случая. Вотъ— на закатѣ солнца, выскочило изъ домика множество кошекъ и всѣ онѣ побѣжали на лугъ: поѣли какой-то травки, и вдругъ изъ кошекъ сдѣлались красивыми дѣвушками. Степанъ-вовкалака замѣтилъ волшебную травку, отвѣдалъ ее и—о чудо! сталъ человѣкомъ!,.. Въ восторгѣ, началъ прыгать, бѣгать и играть съ дѣвушками: игра и бѣготня продолжались до полночи. Въ полночь на кровль домика явилась сова и прокричала что-то голосомъ дитяти. Зашумѣли лѣса, заколыхались воды въ ручейкахъ и болотахъ (*); дѣвушки (то были русалки) провизжали дикимъ голосомъ—«полночь! полночь!..» и, превратившись въ кошекъ, побѣжали въ домикъ; Степанъ превратился въ волка. Полюбилось Степану подобное превращеніе хоть на несколько часовъ, онъ повторилъ его и на другой день—вечеромъ. Но на этотъ разъ онъ услышалъ непріятный отзывъ одной русалки о себѣ. «Ахъ! какъ я не люблю его»,—говорила она другой, указывая на Степана. «Почемужъ такъ?» спросила другая.... Да потому что я видѣла, какъ онъ превращался въ волка; а я смертельно ненавижу волковъ за то, что волкъ былъ причиною моего несчастія.... «Какъ такъ?»... спросилъ Степанъ, вмѣшавшись въ ихъ разговоръ.... «Когда я жила у родителей еще маленькая, и пасла, однажды, гусей, меня схватилъ волкъ, и, затѣпивши въ лѣсъ, бросилъ въ труппу. Я почти умирала тамъ, вдругъ откуда вышла Аксинья и предложила мнѣ переселиться къ ней. «У меня, сказала она, много дѣвицъ, всякій день пляски, иѣны; тебѣ тамъ весело будетъ съ подругами.» Сначала не соглашалась я, но, видя, что иначе должна буду въ лѣсу умереть, рѣшилась принять предложеніе Аксиньи,—

(*) Вѣлорусцы вѣрятъ, что въ полночь, когда преставось играть русалки, шумитъ лѣса и вода колеблется въ озерахъ, рѣкахъ, ручейкахъ и даже въ болотахъ....

и въ ту жь минуту, не помню какимъ чудомъ, я перенесена была въ ея волшебный домикъ.... О, проклятый вокалака! отчего ты не разорвалъ меня тогда въ лѣсу на части?... лучше было бы тогда умереть навсегда, чѣмъ оставаться животнымъ весь день и только на минуту — человекомъ!... Затрасса бѣдный Степанъ, услышавъ такое проклятіе себѣ изъ устъ Ганки (то была Ганка), и, превратившись въ волка, съ горя и отчаянія побѣжалъ опять въ лѣсъ. Въ немъ пробудилось человѣческое чувство, — его начала мучить совѣсть; проклятіе Ганки не давало ему покоя: страшная жизнь наступила для Степана опять!...

..... Однажды, въ воскресный день, пробѣгая возлѣ пахатныхъ полей, видитъ — священникъ идетъ съ нѣсколькими крестьянами и наставляетъ ихъ жить честно, миролюбиво, никому не мстить; объясняя, что мщеніе унижаетъ человека до звѣроподобія и противно духу христіанской религіи, тогда какъ прощеніе обидчикамъ и любовь ко врагамъ преклоняетъ милосердіе Божіе.... Слышалъ всё это Степанъ, и въ сердцѣ его возмущилась кровь.... «Боже мой!...» воскликнулъ онъ въ порывѣ пробужденнаго человѣческаго чувства любви къ ближнему, помоги мнѣ загладить мое преступленіе, — мое мщеніе Артему! съ этихъ поръ буду стараться дѣлать добро людямъ... И вотъ, чрезъ нѣсколько дней, Степанъ отогналъ лису отъ стада гусей и пидьскъ, не допустилъ медвѣдя къ стаду коровъ; потомъ, не разъ отнялъ у волка овцу вдовы или несчастной сироты. Степанъ радовался своей исправлѣнн и могъ спокойно спать. Спустили еще нѣсколько дней, Степанъ оказалъ услугу Аленѣ, женѣ своего соперника.... Какъ-то Алена жала на поле; на берегу шны снало ея дитя — небольшой мальчикъ. Подошедши къ нему, онъ любовался на этого крошку-мальчика, и обрадовался, что Алена имѣла дѣтей. Вдругъ приближалъ волкъ и схватилъ мальчика.... Мать, заслышавъ крикъ дитяти, стала кричать: спасите! спасите дитя мое!... и пала на-земь за-мертво... Степанъ догналъ волка и отнял дитя.... На крикъ матери сбѣжались пахарь и наумились, увидѣвъ, что волкъ у волка отнял ребенка.... Вокалака убѣжалъ и

лѣсь, но какое-то радостное, непонятное чувство овладѣло всѣмъ существомъ его: пріятный сонъ усынилъ его, и онъ увидѣлъ какія-то странныя сновленія... Ему представился его домъ, семья, — его поля, огороды, садъ и цвѣты... Посреди сада является какой-то исполинъ, беретъ его за руку, выводитъ на огромное поле, потомъ на перекрестокъ, гдѣ было множество народа; — вдали видѣлся холмикъ, дальше — какая-то могила... Великанъ подводитъ Степана къ этой могилѣ и велитъ копать ее; въ испугъ, Степанъ безсознательно исполняетъ его велѣніе и откапываетъ человѣчскій трущъ... «Это будетъ твоимъ тѣломъ», сказалъ великанъ, указывая на трущъ; будешь плакать въ немъ всю жизнь, пока не призовутъ тебя къ новой жизни. Степанъ задрожалъ и просилъ пощады... Но великанъ, не слушая его просьбы, толкнулъ бѣднаго въ могилу на трущъ... Борясь со смертію, Степанъ пробудился и — о, чудо!... увидѣлъ себя въ образѣ человека...

Со страхомъ воротился Степанъ въ деревню, — и съ тѣхъ поръ постоянно былъ задумчивъ, скученъ и угрюмъ.

Разсказъ 2-й. Знахарка Грипина полюбила красиваго, молодого парня деревенскаго Тита, но тотъ смѣялся надъ нею, считая ея любовь оскорбленіемъ для себя. Напрасно знахарка старалась хотъ подарками снискать его взаимность, — Титъ и смотреть не хотѣлъ на нее. Разъяренная вѣдьма рѣшилась отмстить за такое пренебреженіе. Однажды, понытавшись еще разъ достигъ своихъ намѣреній, и услышавъ отъ Тита

корбительныя ругательныя названія, въ ярости сказала ему: «Ну, смотри же!... вотъ же тебѣ что за это будетъ: — какъ пойдешь въ лѣсь рубить дрова, то, съ первымъ измахомъ топора, превратишься въ вовкалаку!...» Титъ разсмѣялся на такую угрозу Грипины; но предреченіе вѣдьмы сбылось. Черезъ нѣсколько дней, забывъ объ угрозу Грипины, Титъ отправился на волазъ^(*) въ лѣсь за дровами, и, какъ только занесъ топоръ, чтобъ срубить березу, топоръ выпалъ изъ

(*) На волазѣ значитъ — на телегѣ, запряженной волами.

его руку. Титъ нагнулся, чтобъ поднять топоръ, но — какъ-то былъ его испугъ, когда увидѣлъ, что вмѣсто рукъ явились у него волчьи лапы!... Ошеломленный такимъ превращеніемъ, сталъ бѣжать онъ по лѣсу, какъ дикое животное и, наткнувшись на ручей, увидѣлъ, что онъ весь — волкъ.... кой-гдѣ только на хребтѣ видны были слѣды *свитки* ⁽⁴⁹⁾. Не было никакого сомнѣнія, что онъ — волкалака; но все еще, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ, побѣжалъ къ телѣгу и хотѣлъ ухватить дошой: что же? волы пустились бѣжать изо-всѣхъ ногъ вмѣстѣ съ *кадѣсами* ⁽⁵⁰⁾, какъ только увидѣли миммаго волка; Титъ хотѣлъ было закричать (кликнуть) на воловъ, чтобъ остановить ихъ, но, вмѣсто голоса человѣческаго, по лѣсу разнесся волчій вой....

Съ тѣхъ поръ бѣдный Титъ сдѣлался лѣснымъ жителемъ. Но, не смотря на волчій видъ, Титъ все-таки не могъ забыть родной *дамовы* ⁽⁵¹⁾; постоянно блуждалъ по оселищамъ своей деревни, и только тогда заходилъ въ лѣсъ, когда видѣлъ, что на него высыпаютъ собакъ какъ на волка. И тамъ-то, не разъ, по нѣсколькимъ днѣмъ ничего не ѣлъ, потому что никакъ не могъ привыкнуть къ сырому мясу животныхъ. Но, побуждаемый голодомъ, пускался на волчьи хитрости: пугалъ пастуховъ, жнецовъ, и похищалъ у нихъ хлѣбъ, молоко и другіе съѣстные запасы. — Такъ продолжалось *вскалочество* Тита девять лѣтъ.

Наконецъ, какъ-то встрѣтился онъ съ однимъ *анакорель-пастухомъ*, съ которымъ прежде, будучи человѣкомъ, жилъ дружно. Пастухъ узналъ Тита, и, изъ состраданія къ нему, снялъ съ него волчью кожу и превратилъ его опять въ человѣка.

..... Титъ на крыльяхъ полетѣлъ въ деревню къ своей *дамовѣ*, но не нашелъ никого изъ родныхъ своихъ.... всѣ перемерли.... Кася — его невеста вышла за другаго и имѣла

(*) Верхнее платье (изъ сушена собственна) белорусскихъ крестьянъ.

(*) *Кадѣсы* — телѣга, въ родѣ извозничихъ дошковыхъ, безъ всякихъ перилъ употребляются въ Белоруссіи для перевозки сноповъ, сѣна и дровъ.

(*) *Дамова* отъ слова — домъ: семья, семейство.

питерыхъ дѣтей; изъ друзей молодости едва одинъ отъиснался. Жизнь его была не заидная; съ горя сталъ проводить все время въ корчмѣ (шинкѣ); тамъ внушалъ молодежи угождать женщинамъ; наконецъ, съ отчаянья — записался до смерти (*).

Разсказъ 3-й. Небога (**) Кондрать семь лѣтъ былъ вовкалакой. Наконецъ, знахари сжалились надъ нимъ и апробили ему вовкалачество (избавили его отъ волчьей шкуры, изгнали изъ него видъ волка). Вотъ Кондрать, на радостяхъ, побѣжалъ въ свою деревню домовки (домой), гдѣ оставилъ жену и дѣтей. Это было ночью: подходитъ къ дому, стучится. Пробужденная стукомъ жена спрашиваетъ: «что тамъ?» — Это я, твой мужъ! отвори скорѣе!... отвѣчалъ Кондрать, узнавъ голосъ жены своей. Жена, которая считала Кондрата погибшимъ, и потому вышла за мужъ за другаго, въ испугъ бросилась отъ дверей назадъ и стала звать на помощь втораго своего мужа, который, какъ виновникъ превращенія Кондрата (онъ упросилъ одного знахаря сдѣлать Кондрата вовкалакой, чтобъ послѣ жениться на его женѣ, очевидно, согласившейся на то прежде и дѣйствовавшей съ нимъ за одно), думалъ, что Кондрать прибѣжалъ въ видѣ вовкалаки, вышелъ противъ него съ кочергою и хотѣлъ было прогнать его... Бѣдный Кондрать узналъ въ немъ бывшаго своего паробка (работника), и тутъ-то догадался, кто былъ причиною его несчастія... О! почему я теперь не вовкалака? воскликнулъ онъ въ порывѣ негодованія и бѣшенства; по крайней мѣрѣ я отмстилъ бы этому злодю, наказалъ преломную жену и не видѣлъ больше своего срама!... Едва сказалъ онъ это, какъ въ ту же минуту сталъ опять вовкалакой... Тогда, лаченый (превращенный, — слово разскащика) Кондрать съ яростью волка бросился на жену, потомъ на паробка своего и прижитое ими грудное дитя, и сталъ давить ихъ... Передавнивъ всѣхъ, хотѣлъ бѣжать въ лѣсъ, но на поднятый крикъ сбѣжались соседи и убили вовкалаку, думая, что убили бѣшеннаго волка... Но наиконо было изумленіе ихъ, когда, при

(*) Этотъ разсказъ изъ Минской губерніи.

(**) Небога — бѣшижка, несчастный, горемыка, горюнь.

огнѣ, увидѣли мертваго человека Кондрата, который семь лѣтъ пропалъ гдѣ-то и котораго все въ деревнѣ считали погибшимъ (85).

Разсказъ 4-й. Была свадьба въ деревнѣ... Какой-то прохожій (54), утомленный дальнею дорогою, при видѣ огней въ домѣ, гдѣ пировали свадьбу, хотѣлъ было попроситься на ночлегъ. Вышедшій подхмеленный женихъ мало-того, что грубо обошелся съ прохожимъ, но еще выславъ противъ него собакъ... Оскорбленный такимъ пріемомъ, прохожій (то былъ знахарь-вовкалака), отогнавъ собакъ палкой, сказалъ жениху: «помни же! ты на меня высылаешь собакъ, — смотри, чтобъ эти же собаки не стали лаять и на тебя, какъ на звѣря!...» Едва сказалъ это прохожій, какъ все присутствовавшее на свадьбѣ сдѣлалось вовкалаками, и, разбижавшись тотчасъ по своей и соседственнымъ деревнямъ, надѣлали много зла поселянамъ, передушивъ домашнихъ животныхъ, и изранивъ, изувѣчивъ людей...

Прошло два года послѣ этого страшнаго событія: нѣкоторые изъ поселянъ уже забыли-было о немъ... Но—вотъ, однажды, помѣщикомъ той деревни назначена была охота (охота) на волковъ, слишкомъ размножившихся въ соседнихъ лѣсахъ и не дававшихъ проходу ни людямъ, ни скотинѣ... Охота была удачная: убили множество волковъ... Когда стали разсматривать добычу, то между убитыми волками нашли трехъ вовкалакъ изъ числа тѣхъ, которые были жертвами вщениа прохожаго-знахаря... Когда сдирали съ нихъ кожу, то у одного нашли подъ кожей скринку и другія принадлежности белорусскаго доморощеннаго музыканта; у другаго — нарядъ жениха и обручальное кольцо; третьимъ вовкалакой или — вовкалачицей (оборотень-самка) была разодѣтая невеста со всемъ щегольствомъ и прикрасами свадебными — по обычаю белорусскому.

Любопытно при этомъ знать, какъ одинъ тоже прохожій-

(*) Разсказъ этотъ изъ Витебской губерніи.

(**) По понятію белорусовъ, знахаря и відьмари часто иллются въ образъ странниковъ и прохожихъ.

знахарь хотѣлъ атробиць — отчаровать этихъ оборотней, по-крайней мѣрѣ жениха и невесту, когда они еще были живы: этотъ прохожій, какъ говорилъ разсказчикъ, былъ во враждѣ съ тѣмъ, который овозкалѣчилъ (превратилъ въ волковъ) ихъ, и, по усиленной просьбѣ родныхъ жениха и невесты, хотѣлъ превратить ихъ въ людей.... Будто бы этотъ знахарь взялъ съ собою жаренаго-пережаренаго поросенка, какой-то хлѣбъ, и, вооружившись вилами и заступомъ, искалъ по лѣсу несчастныхъ повкалакъ; но — доброе его намѣреніе осталось безъ успѣха.... Первый (прохожій) знахарь былъ сильнѣе — хитрѣе его, и потому никонимъ-образомъ не допустилъ своего противника встрѣтиться съ зачарованными имъ повкалаками.... —Что сдѣлалъ бы этотъ добрый знахарь, еслибъ встрѣтилъ несчастныхъ оборотней, разсказчикъ не умѣлъ объяснить, и потому — неизвѣстенъ обрядъ его отчаровыванія или атроби-ванія, какъ выражаются Бѣлорусцы (55),

Разсказъ 5-й. А вотъ еще — образчикъ знахарства женщины — вѣдьмарки (вѣдуны...).

Былъ двѣишникъ, или, какъ говорятъ бѣлорусцы, дѣвѣишникъ и завѣишникъ (56), на который пригласили и старую дѣву Маланью, славившуюся вѣдьмарствомъ или знахарствомъ.... По обычаю, все старались угождать ей, чтобъ не угнѣвить: ей — первую чарку, ей — первую лавку... Случись такъ, что невеста — будущая маладзѣца (замужняя женщина) не знала объ этомъ и какъ-то обошла Маланью во время угощенія (57). Разсерженная такимъ невниманіемъ къ своей особѣ (можетъ быть даже только какъ старая дѣва, которая всякое случайное невниманіе подругъ своихъ считаетъ умышленнымъ), знахарка встала изъ-за стола, въ сердцахъ сорвала съ себя поясъ, свернула его въ клубокъ и въ такомъ видѣ бросила

(*) Разсказъ этотъ изъ Минской губерніи.

(*) Дѣвѣишникъ отъ слова Дѣвѣда, богиня дѣвства, по преданію Бѣлорусцевъ. Завѣишникъ отъ слова — завѣи то же, что вѣметка — головной уборъ замужней бѣлорускини. — См. мои Бѣлорус. Народн. Пред. — Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибав. кн. 4, стр. 4, 5, 6, — Дѣвѣда.

(*) См. тамъ же, стр. 8; въ словѣ — Дѣвѣда.

падъ порогъ комнаты, пробормотавъ слѣдующее заклинаніе: *лыка крутіла зъ ліпину, и варила, и таёй водою падлила надъ людзей* (т. е. надрала и лыкъ изъ липы, да сварила ихъ; и той-то воды подлила подъ (ноги) людей); за тѣмъ сама выбѣжала. Всѣ дѣвушки бросились за нею, чтобъ узнать о причинѣ такого внезапнаго гнѣва.... Но едва переступили порогъ, какъ сдѣлались *воскалацицами* и тотчасъ побѣжали въ лѣсъ.

Въ такомъ состояніи пробыли дѣвушки чотыре года, въ продолженіе которыхъ постоянно, ночью, подходили подъ окна Маланьи и страшно по-полчиши выли, какъ-бы испрашивая прощенія за нанесенное ей невѣстою оскорбленіе.

Наконецъ, когда наступилъ послѣдній день наказанія *вопкалациць*, и онъ, ночью, по-прежнему подошли къ окнамъ дома знахарки, то она вышла къ нимъ въ вывороченномъ на верхъ волосами *кожухъ* (тулупъ); потомъ, сивши его съ себя, накрыла имъ каждую поочередно и прошептала какія-то таинственныя слова. Послѣ этого *вопкалациць* превратились опять въ дѣвушекъ. Но такъ-какъ у невѣсты не прикрыла хвоста, то бѣдная та и осталась на одинъ день съ хвостомъ; въ слѣдующую ночь *сѣдмѣрка* прикрыла хвостъ, и хвостъ исчезъ^(*).

Вотъ пять разказовъ изъ устъ народа о *вопкалакахъ*; изъ нихъ можно составить очень ясное понятіе какъ о силѣ *вопкалакъ-знахарей* и *знахарокъ* *бѣлорусскихъ*, такъ и о *бѣдственномъ* состояніи несчастныхъ *жертвъ* ихъ.

Для полноты изслѣдованія о *вопкалакахъ*, считаю нужнымъ привести нѣсколько поговорокъ *бѣлорусскихъ* объ этихъ оборотняхъ.

1.) *Спрыкхрися, якъ вопкалака, т. е. надобѣль какъ вопкалака.* — 2.) *Бы вопкалака шпырыць, т. е. какъ вопкалака блуждасть, — безпріютный, горюнь.* — 3.) *Кабъ на цѣбѣ вопкалака, т. е. чтобъ тебя вопкалака — знахарь превратилъ въ волка (ругательство).* — 4.) *Кали не баюся вопкалацества, пидразий млынарѣ, т. е. если не боишься быть вопкалакой, такъ угнѣви мельника.* — 5.) *Якъ дударь сказаеъ, дакъ зъ людзей вопкалакай стаеъ, т. е. сказавъ (слово) дударь, и изъ человека сдѣлался вопкалака.*

ПАВЕЛЪ ПИЛІЦЕВСКІЙ.

Варшава. 1852 г. мая 4 дня.

(*) Разказъ полесскій, т. е. изъ Пинскаго уѣзда Минской губерніи.

80000000490352

10a